

Шелест листвы тополя, даже в этой экзотической Пентосе, за сотни лиг от Штормовых земель, заставил Джона вспомнить детство. Это был его третий визит в особняк Иллирио Мопатиса, и до сих пор он не обращал внимания на сады, проходя мимо них в большой вестибюль, ведомый слугой. Но сегодня что-то изменилось. Джон мог бы сделать вид, что его не волнует истинный мотив визита, но ни Мопатис, ни он сам не купились бы на эту игру. Поэтому он остался под колоннадами, за пределами дома, ещё не в саду, и смотрел на тополя. В жарком климате Пентоса Джон никак не ожидал встретить эти деревья, ассоциируя их с заболоченными берегами рек или прохладными зимами Речных земель и Штормовых земель. Теперь же, заметив их присутствие в садах Мопатиса, он не мог оторвать глаз от их надменного каркаса. Под теплым ветерком позднего вечера шелест листьев был успокаивающим, как голос давно потерянного друга. — Я и не знал, что ты так любишь эти сады, друг мой, — сказал Мопатис. Джон вздрогнул, обернувшись. Мопатис не был тем, кого он назвал бы другом. В лучшем случае, союзник, не более. Их единственное общее — интерес к Дому Таргариенов, и даже в этом Джон не был уверен в его верности делу. — Их дело... Странное и сладкое чувство возникло, когда он произнес "их", ведь Джон считал сына Рейегара единственным выжившим представителем Дома Таргариенов. Однако Мопатис был уверен: если королева Раэлла мертва, то её дети, юный Визерис и его младшая сестра Дейенерис, сбежали с Драконьего Камня благодаря сиру Уиллему Дарри. Он сделал то, что должен был сделать Джон для Рейнис: не спрашивал ничьего разрешения. Ногти Джона глубоко вонзились в ладони. — Ты уверен насчет принца Визериса и его младшей сестры? — спросил Джон, вернув себе самообладание. Мопатис усмехнулся. — Разве все вестеросцы недоверчивы? — ответил он. — Зачем мне лгать тебе? Мои осведомители в Браавосе еще не нашли их. — А дети королевы Раэллы присоединятся к юному Эйгону здесь, если их найдут? — Конечно, нет! — воскликнул Мопатис, вытирая свои липкие пальцы о белую ткань. — Трех детей Таргариенов в одном месте будет слишком легко найти шпионам короля Роберта. И не забывайте, что никто не знает об Эйгоне. Если вы хотите знать мое мнение, ваш храбрый Виллем Дарри должен оставить Визериса при себе и отослать девочку. Кто-то другой должен позаботиться о ней... — Нет нужды говорить, что ты никогда не встретишь сира Уиллема Дарри, Джон. Роберт Баратеон не дурак. Он может установить связь. В любом случае, для всеобщей безопасности Визерис и Дейенерис должны игнорировать существование Эйгона, и Эйгон не узнает, кто были его родители, прежде чем я решу рассказать ему. Дети — очень плохие лжецы, когда дело касается семейных дел. Это признание подтвердило то, что Джон уже знал: толстый торговец не хотел класть все яйца в одну корзину. Его оппортунистическое поведение раздражало Джона, который гадал, что произойдет в тот день, когда и Визерис, и Эйгон станут достаточно взрослыми, чтобы пересечь Узкое море с войском. Будут ли они сражаться друг с другом? Воспользуется ли Мопатис их разделением? Чего он ждет? Золота, земель, того, что однажды принц Таргариенов вновь завоюет Семь Королевств? Он определенно не станет помогать их делу бесплатно. Почему они не помогли? Джон присел на край своего кресла. — Я хочу его увидеть, — внезапно сказал он Мопатису. — Кого ты хочешь увидеть? Я же сказал тебе, что у нас нет принца... — Я хочу видеть Эйгона. — Мы не должны называть его Эйгоном. Мы должны... — Я устал следовать твоим правилам, Мопатис. Просто позволь мне увидеть ребенка. Возмущенный, Мопатис чуть не подавился фиником. — Ты все еще не веришь мне! Ну, Джон... Джон чуть не закричал. — Я просто хочу увидеть его. Толстяк уставился на него с недоверием. Если Джон потребовал встречи с мальчиком, то в мире Мопатиса это означало одно: изгнанник не доверял его слову. Он нахмурился на Джона, затем сердито вытер свои пухлые руки о ткань и детским жестом швырнул ее на пол. — Пойдем со мной, — отрывисто приказал он, поднимаясь с кресла. Джон последовал за толстым торговцем из прихожей: в конце коридора Мопатис указал на дверь, похожую на остальные, и толкнул ее. Вероятно, когда-то эта комната была библиотекой, поскольку в ней оставалось несколько пустых полок. В книжных шкафах красного дерева, где Мопатис хранил свои свитки и книги, кормилица разложила одежду, которую она использовала для младенца, словно в роскошном белье шкафу. Она приветствовала их

глубоким поклоном и несколькими словами на бастардском валирийском, которые Джон мог бы понять, если бы обратил внимание, но колыбель в центре комнаты — это все, что он мог видеть. Без слов он шагнул вперед, оглядел колыбель из плетеного дерева, простота которой контрастировала с полками из красного дерева и дорогим ковром на полу. Внутри колыбели из-под одеяла показалась маленькая головка и два маленьких кулачка. — Что ты делаешь? — спросил Мопатис, удивленно глядя на мужчину, склонившегося над младенцем, в глазах которого было что-то похожее на интерес. Почему они не попытались спасти её? Джон не стал его слушать и опустился на колени возле ребенка. Поскольку младенец спал, он осторожно завернул его в одеяла и взял на руки. Так Джон смог лучше рассмотреть его лицо. Сначала он увидел только серебристо-светлые волосы, характерные для Таргариенов, но потом сообразил, что к чему. Его кожа была гладкой — не такой, как у женщин, кожа Эйгона казалась бархатистой, — и трудно было узнать черты Рейегара на таком маленьком лице, их почти не было... Ребенок вздрогнул и вдруг открыл глаза; на секунду Джон запаниковал, подумав, что малыш наверняка закричит, проснувшись на руках у незнакомца. Даже мои рыжие волосы могли напугать его. В конце концов, это было первое, что заметила Рейнис, когда посмотрела на меня. Воспоминания о маленькой принцессе были все еще болезненны, даже спустя годы после её смерти. — Что ты делаешь? — повторил Мопатис. На этот раз он стоял прямо за Джоном и возвышался над ним, не пытаясь скрыть своего нетерпения. — Если я должен воспитывать этого ребенка, рано или поздно мы должны познакомиться. Голубые глаза ребенка стали фиолетовыми от позднего полуденного солнца; замороженный этим взглядом, который напоминал ему чей-то другой, Джон улыбнулся и встал, крепко держа ворох одеял. Он пересек комнату и подошел к ближайшему окну. — Эйгон, — прошептал он. Ребенок не вздрогнул и посмотрел на него. — Пока что он просто "ребенок", — бросил Мопатис, в голосе его звучала настойчивость человека, которому доставляло удовольствие разрушать чужое счастье. Джон задумался: счастлив ли он в этот самый момент? Ком в горле и назойливое присутствие Мопатиса отравляли любую возможность насладиться мгновением. Но держа Эйгона на руках, он чувствовал себя иначе. Воспитание этого ребенка — научить его всему, защитить от всех опасностей — требовало усилий больше, чем любая должность в Королевской Гавани. С этого дня, когда он заберет мальчика к себе и вырастит как родного, его жизнь перестанет вращаться вокруг контрактов на торговые мечи, боевых слонов и позолоченные доспехи. Жизнь коммивояжера была пуста, жизнь отца — ведь он станет для ребенка самым близким — вызывала головокружение. Когда Мопатис прочистил горло, Джон понял, что пора уходить. Он повернулся к кормилице: загоревшая темноволосая женщина недоверчиво смотрела на него, забирая Эйгона из его рук, будто гадая, может ли этот незнакомец, так жаждущий поддержать ребенка, быть его отцом. Джон понимал, что его поведение удивляет, даже шокирует, но ему было все равно. Он быстро надел маску высокомерия и последовал за Мопатисом обратно в прихожую, а затем под колоннады. Оранжево-розовые оттенки на небе говорили о том, что уже поздно. Прежде чем пересечь сады и выйти на крыльцо, Джон остановился, как и его хозяин, недоумевая, почему изгнанник не может просто уйти. — В чем дело, Джон? — Тополя в ваших садах... они напоминают мне о моем доме. Я не знал, что в Эссосе есть тополя. Мопатис усмехнулся над его замечанием. — Здесь нет таких деревьев. Они бы не выжили без цистерн; мои слуги поливают их каждый день. Тополя — дорогая прихоть. Шелест тополиных листьев на ветру убаюкивал Джона, и он был рад, что Эйгон сможет слышать этот звук день за днем. — Я привез их из вашей страны, — добавил Мопатис, желая подчеркнуть свое богатство. — Выкорчевал в Коронных землях, я думаю, бережно перевез на корабле и посадил здесь. Разве они не великолепны? — Да, — ответил Джон, энергично кивая головой. Слуга подвел его лошадь, и Джон покинул особняк Иллирио Мопатиса. Вопросы роились в его голове, но, удаляясь от особняка, окруженного кремово-желтыми высокими стенами, он все еще видел верхушки тополей и их зелено-серебристые листья. Выкорчеванные и изгнанные, как я, как Эйгон. Воспитать мальчика и помочь ему вновь завоевать Семь Королевств было гораздо сложнее, чем все, что он делал до сих пор. Странно, но Джона беспокоило не завоевание, а

само существование Эйгона. Несмотря на встречу с ним, почему я чувствую, что это еще не все? Почему они не спасли Рейенис, почему Элия доверилась Варису? Рейегар, пожалуйста, дай мне свою мудрость...

<http://erolate.org/book/1090/124554>